Его Преосвященству
Многоуважаемому Профессору
Алексею Петровичу
Лебедеву
от автора.

МНИМОЕ „КРУШЕНІЕ ВѢРЫ“

въ разсказѣ Леонида Андреева

„ЖИЗНЬ ВАСИЛІЯ ФИВЕЙСКАГО“.

Священника Н. А. Колосова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1905

894.2 : 2
К—64

МНИМОЕ „КРУШЕНІЕ ВѢРЫ“

въ разсказѣ Леонида Андреева

„ЖИЗНЬ ВАСИЛІЯ ФИВЕЙСКАГО“.

Священника Н. А. Колосова.

35792

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1905.

о/к
Библиотека ... 1925 г.

285
74

Отъ Московскаго Духовно Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Мая 12 дня 1905 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

Мнимое „крушеніе вѣры“ въ разсказѣ Леонида Андреева «ЖИЗНЬ ВАСИЛІЯ ѲИВЕЙСКАГО»[1]).

Странное на первый взглядъ явленіе представляетъ собою современная литература. Изъ чрезвычайнаго множества появляющихся все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ количествѣ литературныхъ произведеній наибольшій и иногда даже очень шумный и блестящій успѣхъ выпадаетъ на долю нерѣдко не самыхъ талантливыхъ и признанныхъ всѣми писателей, не корифеевъ литературы, а писателей молодыхъ, вчера еще никому почти неизвѣстныхъ, а нынѣ увѣнчанныхъ не только всеобщею извѣстностью, но даже громкою славою за нѣсколько небольшихъ разсказовъ. Многочисленные литературные труженики, усердно поднимающіе и разработывающіе даже вполнѣ современные и злободневные вопросы, затрогивающіе самые жизненныя темы, остаются какъ-то въ тѣни, тогда какъ толпа шумитъ вокругъ немногихъ счастливыхъ ихъ собратьевъ, возноситъ ихъ на пьедесталы и поклоняется имъ съ упоеніемъ, называя ихъ геніями и пророками. Очевидно, эти счастливцы, такъ овладѣвшіе вниманіемъ читающей публики, съумѣли — или подмѣтить и передать, хотя иногда даже и не Богъ знаетъ съ какимъ талантомъ, запросы и настроенія, которые съ особенною силою и остротою назрѣваютъ или уже назрѣли въ обществѣ, хотя, быть мо-

[1]) Публичное богословское чтеніе — въ залѣ Епархіальнаго дома, 15 декабря 1904 года.

жетъ, и не всегда ясно имъ сознаются, — или удовлетворить страсти извѣстной части общества къ сильнымъ и острымъ ощущеніямъ и вопросамъ. Къ такимъ счастливцамъ относится Максимъ Горькій, такъ быстро и широко прославившійся. Къ нимъ же относится и начинающій уже затмевать его своею извѣстностью Леонидъ Андреевъ.

По характеру творчества Леонида Андреева, по направленію и главной мысли его произведеній, его нужно отнести къ такъ называемымъ символистамъ, по способу же изложенія его можно отнести и къ реалистамъ. Основная мысль его столь нашумѣвшихъ разсказовъ различно опредѣляется и, какъ кажется, не вполнѣ ясно понимается его критиками. По нашему мнѣнію, основная мысль всѣхъ или почти всѣхъ произведеній Л. Андреева это — *сознаніе и ужасъ своего безсилія*—какъ предъ тайнами жизни и смерти, предъ таинственно-загадочными силами, распоряжающимися жизнью и смертью человѣка, такъ и предъ темными влеченіями своей собственной природы. Какая-то роковая сила съ зловѣщею преднамѣренностью вмѣшивается въ людскую жизнь, распредѣляетъ въ ней все по своему, перетасовываетъ, опрокидываетъ, раздѣляетъ непроницаемою стѣною людей другъ отъ друга, ввергаетъ ихъ въ бездну. Герои разсказовъ Л. Андреева страшатся смерти, небытія, прекращенія существованія; но жизнь, съ ея страшными загадками, съ ея непостижимыми тайнами, съ ея непроницаемымъ будущимъ, страшитъ ихъ нерѣдко еще болѣе. Она часто представляется имъ какимъ-то кошмаромъ, чудовищемъ, притаившимся гдѣ-то въ темнотѣ, гдѣ-то сзади и готовымъ ежеминутно броситься на нихъ и растерзать ихъ. Даже себя самихъ должны они страшиться: въ нихъ самихъ, внутри ихъ тоже таится чудовище, тоже ежеминутно готовое опрокинуть въ нихъ весь нравственный строй жизни и столкнуть ихъ въ нравственную бездну. Оттого всѣ герои Л. Андреева—глубоко страдающіе люди. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ страданія доходятъ почти до разложенія нравственнаго существа. Нѣкоторые изъ его

разсказовъ, какъ, напр., «Жизнь Василія Ѳивейскаго», представляютъ собою настоящую «книгу страданія», подобно «Лурду» Золя»; другіе же, какъ, напр., «Мысль», изображаютъ, хотя и помимо намѣренія автора, казнь невѣрующей и грѣховной души. И нигдѣ и ни въ чемъ нѣтъ спасенія человѣку. Разумѣется, въ такомъ пониманіи жизни нѣтъ ничего христіанскаго: гораздо скорѣе оно напоминаетъ собою дохристіанскія вѣрованія въ рокъ.

Замѣтимъ кстати, что, не обвиняя прямо нашего автора въ подражаніи, а тѣмъ болѣе въ заимствованіяхъ, нельзя однако не видѣть въ его произведеніяхъ вліяній, иногда довольно замѣтныхъ, со стороны нѣкоторыхъ писателей, русскихъ и иностранныхъ. Это, впрочемъ, и не должно быть удивительно, такъ какъ тѣ настроенія, какія пытается изобразить въ своихъ произведеніяхъ Л. Андреевъ, еще ранѣе подмѣчены и отчасти изображены и въ иностранной и русской литературѣ. Въ разсказахъ Л. Андреева можно видѣть вліяніе—Метерлинка (напр., «Внутри»; ср., «Молчаніе» Л. Андреева), Шницлера («Смерть»), Ибсена, Гауптмана («Михаилъ Крамеръ»; ср. «Въ туманѣ»), Бьернсона («Свыше нашей силы»), Гюго («Человѣкъ, который смѣется»), Золя («Лурдъ»), Достоевскаго (напр., «Преступленіе и Наказаніе»; ср. «Мысль») [1]) и др.

Немудрено, что герои Л. Андреева нерѣдко стараются укрыться отъ этой страшной для нихъ жизни, какъ маленькія дѣти, прячущіяся съ головою подъ одѣяло, или страусъ, зарывающій голову въ песокъ; но та же роковая сила, которой они такъ боятся, настигаетъ и поражаетъ ихъ и въ этомъ убѣжищѣ.

Но все это — люди мелкіе духомъ, съ прозябаніемъ вмѣсто жизни. Въ разсказѣ «Мысль» Л. Андреевъ вывелъ человѣка сильнаго, свободнаго отъ всякихъ «предразсуд-

---

[1]) „Даже фамилія героя этого разсказа—Керженцевъ—соотвѣтствуетъ фамиліи Раскольникова: Керженецъ — одинъ изъ главныхъ раскольничьихъ центровъ 18-го столѣтія“.

ковъ» и угрызеній совѣсти. Докторъ Керженцевъ считаетъ глупостью все то, чего боятся и смущаются люди,— всѣ предписанія религіи, всѣ велѣнія нравственнаго закона. Даже страсти поборолъ онъ въ себѣ. Его кумиръ, единственный кумиръ, свѣточъ, освѣщающій и направляющій всѣ его поступки—только свободная мысль. Выше ея нѣтъ для него ничего. Задумавъ убить Савелова и притворившись для этого сумасшедшимъ, Керженцевъ съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти, выполняетъ свой планъ. Но только что онъ это сдѣлалъ, какъ здѣсь-то и произошла катастрофа. Его царица и вмѣстѣ съ тѣмъ покорная раба, царственная, свободная, всепобѣждающая мысль вдругъ и совершенно неожиданно измѣнила ему, какъ невѣрная жена. Она шепнула ему, что онъ не притворялся сумасшедшимъ, какъ онъ былъ доселѣ увѣренъ, а дѣйствительно былъ имъ; что имъ управляла та самая стихійная сила, которую онъ такъ презиралъ и отъ которой считалъ себя свободнымъ. И достаточно было этого внушенія, чтобы душевное равновѣсіе Керженцева совершенно пошатнулось, и почва заколебалась и исчезла подъ его ногами. Съ нимъ стали дѣлаться припадки, свойственные настоящимъ сумасшедшимъ, и онъ не зналъ, дѣйствительно ли онъ сумасшедшій или нѣтъ, и это было настолько ужасно, что было хуже настоящаго сумасшествія, — настолько ужасно, что Керженцевъ готовъ былъ лишить себя жизни. А коварная мысль, какъ бы мстя ему за прежнее порабощеніе, продолжала издѣваться надъ нимъ.

Итакъ, отъ роковыхъ силъ, распоряжающихся человѣческою жизнью, нѣтъ спасенія человѣку ни въ чемъ. Но, быть можетъ, есть спасеніе въ вѣрѣ? Быть можетъ, человѣкъ вѣрующій можетъ побѣдить ужасы жизни, не бояться этой страшной роковой силы? Разсказомъ «Жизнь Василія Ѳивейскаго» нашъ авторъ хочетъ, повидимому, доказать, что и въ вѣрѣ нѣтъ спасенія. И вѣрующій человѣкъ такъ же безсиленъ, такъ же безпомощенъ передъ

этими страшными роковыми силами, какъ и невѣрующій. Разсказъ «Жизнь Василія Ѳивейскаго» долженъ такимъ образомъ представить *крушеніе вѣры,* какъ разсказъ «Мысль» представляетъ собою крушеніе мысли. Передадимъ вкратцѣ содержаніе разсказа..

Въ бѣдномъ захолустномъ селѣ живетъ священникъ Василій Ѳивейскій съ молодою женой. Онъ—искренно и просто вѣрующій человѣкъ, хотя несчастія, наносимыя какою-то невѣдомою роковою силой, сыплются на его голову безъ перерыва. И несмотря на то, что человѣкъ онъ хорошій всѣ сторонятся отъ него, какъ отъ зачумленнаго, и «среди людей онъ одинокъ, какъ планета среди планетъ». На седьмомъ году его супружеской жизни утонулъ у него мальчикъ. Жена о. Василія отъ горя наполовину помѣшалась и стала пить. Дрогнула и поколебалась было вѣра о. Василія, но онъ поборолъ и отогналъ сомнѣнія. Между тѣмъ жена о. Василія, во время одного изъ своихъ пьяныхъ припадковъ воспылала неудержимымъ желаніемъ материнства. Но роковая сила, все время подстерегавшая изъ-за угла о. Василія, воспользовалась материнствомъ его жены, чтобы нанести ему новый страшный ударъ: родившійся ребенокъ оказался идіотомъ. Еще сильнѣе заколебалась вѣра о. Василія, но и въ этотъ разъ онъ смогъ побороть свои сомнѣнія. Еще ужаснѣе стала жизнь въ домѣ о. Василія. Образъ идіота, «полуребенка полузвѣря», безобразнаго, нечистоплотнаго и злого, безраздѣльно царилъ въ домѣ и угнеталъ и душилъ всѣхъ и въ особенности мать, которую во время запоевъ доводилъ до ужасныхъ припадковъ, даже до попытки къ самоубійству. Все въ домѣ о. Василія, и опять съ тою же неотразимою роковою силою, стало приходить въ разстройство.

Но вотъ, однажды, во время поста, о. Василій какъ будто очнулся. Исповѣдуя своихъ прихожанъ, онъ какъ-то вдругъ и совершенно внезапно обратилъ вниманіе на чужое страданіе. Доселѣ онъ думалъ все только о себѣ, только о *своемъ* горѣ, но тутъ какъ-то вдругъ увидалъ,

что и *у другихъ* горя въ жизни столько, что у каждаго его хватило бы на десятокъ человѣческихъ жизней. И ему вдругъ захотѣлось увидать предѣлы человѣческаго горя и безжалостно, и сурово сталъ онъ выспрашивать исповѣдниковъ. И столько горя услыхалъ онъ въ отвѣтъ на свои вопросы, что не только не стало ему легче отъ сознанія, что не одинъ онъ несчастенъ, но, наоборотъ, онъ потерялся самъ и пришелъ въ ужасъ. И стало ему казаться, что зло и горе царствуетъ въ мірѣ безраздѣльно, и нѣтъ отъ него спасенія никому, и самому себѣ онъ сталъ казаться «злодѣемъ, который и совершилъ всѣ преступленія и пролилъ всѣ слезы на землѣ». «И въ церковь шелъ онъ, какъ на лютую и позорную казнь». И еще сильнѣе заколебалась его вѣра. Исповѣдь одного распутнаго калѣки была послѣднею каплей, переполнившей чашу его возмущенной души,—и онъ потерялъ вѣру,—такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось. И они съ женою рѣшили, что онъ сниметъ санъ, и, отдавъ идіота на воспитаніе, они уѣдутъ куда-нибудь далеко. И какъ будто посвѣтлѣло въ ихъ жизни, и спокойнѣе стала жена о. Василія и рѣже стала подвергаться запою. Веселѣе казался и самъ о. Василій, хотя, когда оставался онъ наединѣ съ собою и своими мыслями, онъ чувствовалъ, что жестокій и загадочный рокъ попрежнему тяготѣетъ надъ нимъ.

27 іюля находившійся въ полѣ о. Василій услышалъ вдругъ звуки набата и, обернувшись, увидалъ надъ своимъ домомъ столбъ дыма и огня. Жена о. Василія, бывшая въ это время въ состояніи запоя, заронила огонь. Ее вытащили обгорѣвшую, едва живую, безъ памяти; идіотъ былъ спасенъ невредимымъ. Всѣ ожидали отъ о. Василія взрыва горя, но онъ явился къ обгорѣвшей и умирающей женѣ какъ-то загадочно и торжественно спокойный. Пока онъ, стоя на телѣгѣ, скакалъ съ поля домой, въ немъ, путемъ невѣдомаго психическаго процесса, произошелъ новый духовный переворотъ. Дремавшая, но не потухшая совсѣмъ вѣра, вспыхнула въ немъ вдругъ съ новою силой. Откуда-

то явилась у него и молніей озарила его душу мысль, что онъ доселѣ не зналъ и не понималъ ни смысла, ни значенія своей жизни. *Онъ избранъ,* избранъ для какого-то еще невѣдомаго ему чрезвычайнаго, высшаго дѣла, и тѣ необыкновенныя несчастія, какія падали доселѣ и упали въ особенности теперь на его голову, были только средствами для очищенія его души и приготовленія къ этому великому, еще невѣдомому ему подвигу. Ночь, проведенная у одра умирающей жены, еще болѣе укрѣпила его въ этой новой мысли, и взошедшее солнце озарило вдохновенное, полубезумное лицо. Спѣшно развязался о. Василій съ послѣдними житейскими заботами: землю отдалъ причту, дочь отослалъ къ сестрѣ и уединился съ идіотомъ въ холодномъ недостроенномъ домѣ. И здѣсь, въ безконечные осенніе и зимніе вечера, подъ шумъ непогоды и бѣшеной зимней вьюги, онъ сталъ читать и перечитывать Евангеліе, въ особенности останавливаясь на евангельскихъ чудесахъ, и въ воспаленномъ его мозгу закружился рой восторженныхъ грезъ, въ которыхъ и самого себя о. Василій уже созерцалъ будущимъ чудотворцемъ. Чтеніе Евангелія о. Василій дополнилъ строгимъ постомъ, которому съ непонятною жестокостью подвергъ и идіота, долгою колѣнопреклоненною молитвою и необычнымъ для глухого села ежедневнымъ служеніемъ. Послѣднее, въ связи съ полнымъ уединеніемъ о. Василія, показалось столь неестественнымъ, что по селу, а изъ него далеко кругомъ, поползли какіе-то неопредѣленные зловѣщіе слухи, и смутное ожиданіе какой-то бѣды овладѣло встревоженнымъ воображеніемъ околодка. Такъ прошла зима. Наканунѣ Троицына дня обваломъ въ песочной ямѣ задавило крестьянина Семена Мосягина. И когда о. Василій служилъ паннихиды по умершемъ, на лицѣ его свѣтилась какая-то загадочная, но видимо радостная мысль. И отъ этой улыбки о. Василія еще страшнѣе становилось обывателямъ.

Отпѣвали Семена на Духовъ день. Съ утра стояла страшная жара, и было нестерпимо душно въ воздухѣ, и

небо заволоклось какою-то мглою, и все какъ будто сулило какую-то неотвратимую и страшную бѣду. Осторожно, опасливо входилъ народъ въ церковь и становился не на обычныхъ мѣстахъ, а гдѣ придется, и всѣ были смущенные, тревожные. А въ церкви царилъ страшный, невыносимый запахъ тлѣнія: сильно разложилось тѣло. Во время обѣдни поднялась и стала закрывать небо громадная темно-синяя туча. Началось отпѣваніе. Въ церкви стало темно отъ тучи. Непонятная тревога усиливалась и росла. Не столько замѣтилъ, сколько почувствовалъ темноту и доселѣ ничего не замѣчавшій, даже запаха тлѣнія, о. Василій. Нестерпимая тяжесть въ воздухѣ, очевидно, сдавила его больной мозгъ, и темнота въ церкви страннымъ образомъ напомнила ему раннія зимнія утра, когда онъ здѣсь, въ церкви, оставался наединѣ съ Богомъ, и новое, необычайно сильное и необычайно радостное чувство вдругъ переполнило все его существо, и онъ почувствовалъ, что насталъ моментъ, когда онъ можетъ и долженъ сотворить чудо. И такъ смѣшны показались ему эти жалкіе люди, плачущіе о томъ, кто сейчасъ долженъ воскреснуть, что онъ начинаетъ неудержимо смѣяться, къ ужасу дьякона и близъ стоящихъ. И увѣренный, торжествующій, готовый уже заранѣе благодарить Небо за исполненіе его просьбы, какъ самъ Христосъ предъ воскрешеніемъ Лазаря, о. Василій рѣзко останавливаетъ заупокойное чтеніе и обращается къ тѣлу съ тѣми же словами, какими Христосъ воскресилъ сына вдовы Наинской:

— Тебѣ говорю, встань!

Въ неописанномъ ужасѣ, давя другъ друга, бросается народъ изъ церкви. Радостный, свѣтлый, полный сожалѣнія къ людскому невѣрію и страху, о. Василій возглашаетъ вторично и потомъ—уже строже—въ третій разъ:

— Семенъ! Тебѣ говорю, встань!

Но неподвижно остается тѣло, и мертвая тишина царитъ въ опустѣвшей церкви. На мгновеніе возвращается къ о. Василію сознаніе, но потомъ гнѣвъ вдругъ перепол-

няетъ все его существо, и онъ съ страшною дерзостью начинаетъ упрекать и вызывать Бога. И вдругъ ему кажется, что въ гробу уже не Семенъ, а отвратительно хохочущій идіотъ, протягивающій къ нему хищно скрюченные пальцы. Въ это мгновеніе ослѣпительный блескъ молніи прорѣзываетъ тьму, и страшный громовой ударъ потрясаетъ своды церкви. О. Василію кажется, что рушится и гибнетъ все. Ползутъ и падаютъ своды церкви, съ страшнымъ грохотомъ и трескомъ рушится, пылаетъ и гибнетъ міръ, небо и земля мѣшаются въ огненномъ клубящемся хаосѣ, и изъ глубины ада несется громоподобный хохотъ и крики дикаго веселья. Въ опустѣвшую душу о. Василія широкою волною вливается смертельный, все захватывающій и все себѣ подчиняющій ужасъ. Съ дикимъ ревомъ бросается о. Василій изъ церкви, бьетъ по головѣ старающагося удержать его псаломщика и выбѣгаетъ на безлюдную, точно вымершую улицу.

— Всѣ умерли! — мелькаетъ въ головѣ его послѣдняя мысль.

И уже ничего болѣе не сознавая, въ безумномъ ужасѣ бѣжитъ онъ по пыльной дорогѣ, пока отъ страшнаго нервнаго напряженія, не падаетъ мертвый среди дороги, въ трехъ верстахъ отъ села, и лежитъ въ такой напряженной позѣ, «какъ будто и мертвый продолжалъ онъ бѣжать».

Таково содержаніе разсказа.

Нельзя не замѣтить прежде всего, что тонъ разсказа приподнятъ до такой степени, что разсказъ совершенно теряетъ свойства обычнаго повѣствованія изъ человѣческой жизни и пріобрѣтаетъ фантастическій характеръ, свойственный Гофману или Эдгару Поэ. Этому сильно способствуетъ и тотъ мистическій ужасъ, которымъ окутанъ и насквозь проникнутъ весь разсказъ, отъ первой и до послѣдней строки. «Рокъ», «роковая сила», «таинственная страшная сила, подстерегающая человѣка», и т. п.—столько же фантастическія, сколько и непонятныя

выраженія, повидимому, совершенно бы несвойственныя крайнему реализму, отрицающему все сверхъестественное, — пестрятъ разсказъ до того, что читатель совершенно теряется и не знаетъ, что̀ ему думать объ авторѣ. Разсказъ написанъ въ духѣ именно дохристіанскихъ, фаталистическихъ религій. Крайне необычно уже и самое начало разсказа:

«Надъ всею жизнью Василія Ѳивейскаго — такъ начинается разсказъ—тяготѣлъ суровый и загадочный рокъ. Точно проклятый невѣдомымъ проклятіемъ, онъ съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя, и никогда не заживали на сердцѣ его кровоточащія раны. Среди людей онъ былъ одинокъ, словно планета среди планетъ, и особенный, казалось, воздухъ, губительный и тлетворный, окружалъ его, какъ невидимое, прозрачное облако»...

Не знаемъ, какое впечатлѣніе производитъ эта тирада на другихъ, а намъ она невольно напомнила пушкинскаго «Анчара», который, «какъ грозный часовой, стоитъ одинъ во всей вселенной».

Въ томъ же родѣ и дальнѣйшее изложеніе разсказа. Возьмемъ наудачу нѣсколько выдержекъ.

Бѣдствія стекаются на голову о. Василія «съ таинственною и зловѣщею преднамѣренностью».

Въ домѣ о. Василія «вытаращенныя окна, глухо замкнутыя двери съ трудомъ удерживаютъ крикъ смертельнаго испуга».

«Голодное ожиданіе какой-то страшной бѣды, какихъ-то невѣдомыхъ ужасовъ, доселѣ не испытанныхъ еще человѣкомъ».

«Сразу въ бѣшеномъ вихрѣ закружилось все, заплясали огни и мракъ, и отовсюду закачались, лѣзли, душили и влекли безглазые призраки».

«Безшумною толпою мечутся въ тоскѣ ночныя тѣни, безумно рыдаютъ и молятъ о пощадѣ».

«Надвигалось что-то огромное и невыразимо ужасное... огромное, какъ пустота, страшное, какъ вѣчное молчаніе;

вотъ пришло оно и стало и охватило ихъ пустымъ и всеобъемлющимъ взглядомъ... За стѣнами дома былъ тотъ же зіяющій бездонный провалъ и вѣчное молчаніе».

Во взорѣ о. Василія—«мерцаніе тайны, глубочайшей и сокровеннѣйшей, полной необъяснимыхъ угрозъ и зловѣщихъ обѣщаній».

Еще болѣе фантастическаго, съ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же словъ,—въ описаніи ночной вьюги. Здѣсь какъ будто чувствуется вліяніе Гюго (напр., «Человѣка, который смѣется»). Рокъ, преслѣдующій о. Василія, душитъ даже и того единственнаго человѣка, о которомъ позаботился онъ: Семенъ Мосягинъ, котораго о. Василій опредѣлилъ въ работники къ старостѣ Ивану Парфирычу, погибаетъ ужасною смертью.

Самое названіе разсказа—какое-то необычное, четыминейное, напоминающее собою заглавія повѣствованій изъ житій древнихъ христіанскихъ подвижниковъ. Тонъ разсказа—почти библейскій. Разсказъ пестритъ выраженіями: «было же», «и былъ онъ», «и случилось это» и т. п. Близость Бога представляется ужасной. И наряду съ этимъ, — какъ суровый фонъ для лучшаго оттѣненія вышитыхъ на немъ яркихъ узоровъ фантазіи—грубый реализмъ: о. Василія и его жену авторъ всегда называетъ не иначе, какъ «попъ» и «попадья»;—и наряду съ этимъ, опять-таки, вѣроятно, для бо́льшаго разнообразія, офиціально-деликатное «діаконъ». Для бо́льшаго же, вѣроятно, эффекта, авторъ точно, съ указаніемъ даже мѣсяцевъ и чиселъ́ обозначаетъ важнѣйшія событія изъ жизни о. Василія. Всѣ эти пріемы какъ будто имѣютъ цѣлью загипнотизировать читателя. Теперь перейдемъ къ разбору разсказа.

Прежде всего, дѣйствительно ли такъ несчастенъ былъ о. Василій, какъ почему-то хочетъ представить это авторъ? Авторъ хочетъ представить его исключительно и безмѣрно несчастнымъ. Попробуемъ снять съ разсказа тотъ мистическій покровъ таинственнаго и ужаснаго, ко-

торымъ онъ такъ густо окутанъ, и посмотримъ на жизнь о. Василія съ обыкновенной, человѣческой точки зрѣнія. Самъ же авторъ говоритъ, что о. Василій болѣе шести лѣтъ былъ счастливъ и благополученъ съ красивой, хорошей и любящей женой. А развѣ этого мало? Нѣтъ, это много, это очень много. Сколько было, есть и будетъ на свѣтѣ людей, которые въ своей жизни не смогутъ насчитать счастливыхъ не только шести лѣтъ, но и шести дней. Въ частности, счастливая семейная жизнь—это такое великое и рѣдкое благо, что его могутъ оцѣнить лишь тѣ слишкомъ многочисленные супруги, которые его лишены. Какъ часто супружеская жизнь бываетъ лютою трагедіей для кого-либо изъ супруговъ, — часто незримою, но отъ того не теряющею своего ужаса. Какъ часто, къ несчастью, супруги превращаются въ двухъ дикихъ звѣрей, посаженныхъ въ одну клѣтку или скованныхъ одною цѣпью,—и это до самой смерти. Ужасно для мужа пьянство жены, но бываетъ и гораздо хуже. И бываютъ, наоборотъ, лютые изверги мужья. Помнимъ содержаніе одного взятаго изъ жизни разсказа: тамъ дьячекъ, у котораго дочь была замужемъ и потомъ умерла, разсказываетъ потомъ, что онъ ясно видѣлъ, что дочь его лежала въ гробу и была опущена въ могилу *живая;* но онъ не воспрепятствовалъ ея погребенію, потому что для нея *лучше* было это: лучше было быть зарытою живою въ могилу, чѣмъ жизнь съ извергомъ-мужемъ. Вотъ какая бываетъ иногда супружеская жизнь!

Въ мірѣ скорбни будете (Іоан. 16, 33),—сказалъ Спаситель, и вся жизнь человѣческая есть по бо́льшей части лишь исполненіе этихъ непреложныхъ словъ. Говорить ли о томъ, что жизнь всѣхъ истинныхъ служителей Бога, не говоря уже о Самомъ Божественномъ Основателѣ христіанства и Его Пречистой Матери, была, почти сплошнымъ, единымъ страданіемъ. И не *священнику* Василію Ѳивейскому было приходить въ отчаяніе отъ перваго постигшаго его несчастія. Напротивъ, какъ священ-

никъ, онъ въ особенности долженъ былъ помнить, что несчастія посылаются Богомъ какъ въ наказаніе за грѣхи и вразумленіе, такъ и для испытанія. Въ этомъ отношеніи хорошій урокъ о. Василію даетъ крестьянинъ Семенъ Мосягинъ. На вопросъ о. Василія, почему Богъ ему не помогаетъ, онъ просто и смиренно отвѣчаетъ: «стало быть не заслужилъ». И даже самый вопросъ этотъ справедливо кажется Мосягину не нужнымъ.

Разсказъ вообще очень тщательно высчитываетъ всѣ несчастія о. Василія, совсѣмъ почти не упоминая о томъ хорошемъ, что и ему доставалось на долю. Такъ уже въ самомъ началѣ разсказа говорится, что о. Василій «съ юности несъ тяжелое бремя печали, болѣзней и горя». Но кому хоть сколько-нибудь знакома тяжелая жизнь захолустнаго сельскаго духовенства, въ особенности въ прежнее время, его бѣдность, доходившая нерѣдко до полнаго рабства; кому хоть сколько-нибудь извѣстны тѣ часто крайне тяжелыя условія, въ какихъ получало духовное юношество свое воспитаніе и образованіе («какой цѣной поповичемъ священство достигается»),—тотъ и въ приведенныхъ словахъ о юности о. Василія не найдетъ ничего необычайнаго и исключительнаго.

Первое несчастіе, которое постигло о. Василія, было гибель ребенка. Но много ли найдется семей, гдѣ не погибали бы дѣти — и отъ несчастныхъ случаевъ и отъ различныхъ скоротечныхъ и жестокихъ болѣзней. Нѣтъ словъ,—великое это несчастіе, и не мало родителей всю жизнь не могутъ забыть смерти дѣтей, въ особенности если она была насильственная и жестокая: иногда вся жизнь опрокидывается, и тѣмъ не менѣе люди остаются на своихъ мѣстахъ и не считаютъ себя безмѣрно и исключительно несчастными.

Изображеніе нѣкоторыхъ несчастій о. Василія производитъ даже почти комическое впечатлѣніе. Авторъ подробно и съ тѣмъ же мистическимъ ужасомъ повѣствуетъ читателю, что съ тою же роковою преднамѣренно-таинствен-

ною силою все въ домѣ о. Василія стало приходить въ разстройство: палъ откармливаемый на продажу двѣнадцатипудовой боровъ, работники лѣнились, грубили и не хотѣли жить, появилось много клоповъ и рванаго бѣлья, а по тѣлу дочери Насти пошли лишаи, и за столъ никакъ не могли сѣсть всѣ вмѣстѣ. Да вѣдь и въ хорошемъ хозяйствѣ бываютъ непредвидѣнныя и непріятныя или даже несчастныя случайности; что же удивительнаго въ томъ, что въ домѣ о. Василія все стало приходить въ разстройство, когда самъ о. Василій былъ занятъ только своимъ горемъ и, вопреки утвержденію автора, что онъ «хворостинка за хворостинкой, песчинка за песчинкой трудолюбиво возстановлялъ свой непрочный муравейникъ при большой дорогѣ жизни», на все махнулъ рукою и запустилъ хозяйство, а у жены его, подверженной запою и страдавшею маніей преслѣдованія, и подавно все валилось изъ рукъ, и даже комнаты оставались неприбранными. Отъ грязи завелись тараканы и клопы, и пошли лишаи по грязному тѣлу давно немытой дѣвочки, и бѣлье жена о. Василія не могла зачинить какъ слѣдуетъ, и за столъ даже не могли сѣсть всѣ въ одно время, а работники, не видя хозяина въ домѣ, лѣнились и грубили, и скотъ палъ отъ недосмотра и плохого ухода. Что же во всемъ этомъ роковаго и ужаснаго?

Слишкомъ много совсѣмъ ненужнаго ужаса вложено и въ изображеніе идіота. Народъ относится къ такимъ гораздо проще и безъ всякаго ужаса, называя ихъ просто дурачками; и если идіотъ былъ золъ, то извѣстно, что такіе вообще бываютъ злы. Всѣ ужасы, которые идіотъ вноситъ въ домъ о. Василія и которыми въ особенности мучается его жена, представляются излишними и безпричинными, если вспомнить, что отъ идіота можно было избавиться, отдавъ его на воспитаніе, и если бы о. Василій черезчуръ рано и сильно не опустился отъ своего горя, онъ, конечно, такъ бы и сдѣлалъ. Не говоримъ уже о томъ, что къ идіоту съ теченіемъ времени можно было

привыкнуть, и матери любятъ даже и уродовъ-дѣтей, и боязнь матери собственнаго сына представляется точно также совершенно неестественною. И болѣзни жены о. Василій могъ бы помочь, если бы сразу и какъ слѣдуетъ принялся за ея лѣченіе и употребилъ бы всѣ мѣры, чтобы успокоить ее и отвлечь отъ преслѣдующихъ ее мыслей. И то, что увидавъ свою жену въ первый разъ пьяною, о. Василій «понялъ, что это навсегда», — представляется неестественнымъ и не вытекающимъ изъ предыдущаго. Откуда у о. Василія могла явиться такая увѣренность? Крайне преувеличенными кажутся и всѣ выраженія, говорящія объ ужасныхъ мукахъ и «отчаяніи безъ границъ» жены о. Василія. Вообще во многихъ своихъ несчастіяхъ о. Василій былъ виноватъ самъ. Въ томъ же родѣ и другіе ужасы.

Самъ же авторъ говоритъ объ исповѣдавшихся у о. Василія, что «у каждаго изъ нихъ страданія и скорби было столько, что хватило бы на десятокъ человѣческихъ жизней», и «смыслъ каждой рѣчи былъ страданіе». А о Семенѣ Мосягинѣ: «казалось, что слезы не должны были высыхать на глазахъ этого человѣка, крики гнѣва и возмущенія не должны были замирать на его устахъ»; а онъ былъ постоянно веселъ. И вообще безгранична область страданія, и очень много есть людей, гораздо болѣе несчастныхъ, чѣмъ былъ о. Василій.

Истинная причина всѣхъ несчастій о. Василія, по нашему мнѣнію, заключалась совсѣмъ не въ чрезмѣрности ихъ, а въ томъ, что самъ о. Василій былъ слишкомъ эгоистъ и, чрезмѣрно много думая о себѣ, слишкомъ мало думалъ о другихъ. Онъ слишкомъ ужъ носился съ своимъ горемъ и потому не предпринималъ ничего для того, чтобы отъ него избавиться. «Существовала крохотная земля, и на ней жилъ одинъ огромный о. Василій съ своимъ огромнымъ горемъ и *огромными сомнѣніями,* а другихъ людей какъ будто не было совсѣмъ». «Среди людей онъ былъ одинокъ, какъ планета среди планетъ»; «среди людей,

ихъ дѣлъ и разговоровъ, о. Василій былъ такъ видимо обособленъ, такъ непостижимо чуждъ всему, какъ если бы онъ не былъ человѣкомъ, а только движущейся оболочкой его... какъ будто онъ жилъ въ другомъ мірѣ, куда нѣтъ доступа никому»—такъ характеризуетъ о. Василія самъ авторъ. — «Я боюсь тебя, — говоритъ ему пьяная жена,—о чемъ ты думаешь? о чемъ ты постоянно думаешь, думаешь, думаешь?..» И потомъ «поняла она, что онъ одинокъ,—не принадлежитъ ей и никому—и ни она и никто не можетъ этого измѣнить. Если бы сошлись добрые и сильные люди со всего міра, обнимали его, говорили бы ему слова утѣшенія и ласки — онъ остался бы также одинокъ». Вотъ истинная причина несчастій о. Василія—его эгоистическое одиночество. Если бы онъ любилъ людей, онъ не думалъ бы только о себѣ и о своемъ горѣ, онъ тогда видѣлъ бы и чужое горе и старался бы помогать ему, помогать хоть бы своимъ прихожанамъ и въ этомъ находилъ бы утѣшеніе и облегченіе своему горю; не говоря уже о томъ, что помогая другимъ, научился бы помогать и себѣ. Вслѣдствіе этого же эгоизма о. Василій и вообразилъ себя впослѣдствіи избранникомъ Божіимъ.

Теперь посмотримъ, дѣйствительно ли о. Василій вѣровалъ «торжественно и просто?»

Не споримъ, быть можетъ, и торжественно вѣровалъ о. Василій; но что онъ вѣровалъ просто, съ этимъ согласиться никакъ нельзя. Напротивъ, съ самыхъ же первыхъ строкъ разсказа видно, что ни простоты, ни смиренія въ вѣрѣ о. Василія не было, и что вѣра его, хотя онъ и былъ священникъ, да еще самый простой сельскій священникъ, была вѣра слабая, лукавая, вѣра, вступающая въ прю съ Богомъ, вѣра—лишь при условіи, чтобы все въ жизни было хорошо и благополучно. Это вѣра интеллигента-скептика, а не вѣра христіанина и тѣмъ болѣе не вѣра простого и смиреннаго сельскаго священника. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ есть вѣра? Вѣра, по изъясненію св. апостола Павла, *есть уповаемыхъ извѣщеніе, вещей обли-*

ченіе невидимыхъ (Евр. 11, 1). «То-есть—поясняетъ православный христіанскій катихизисъ—увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ».—«Вѣровать въ Бога—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же катихизисъ — значитъ имѣть живую увѣренность о Его бытіи, свойствахъ и дѣйствіяхъ и всѣмъ сердцемъ принимать откровенное слово Его о спасеніи рода человѣческаго». — «Вѣра—учитъ философія — есть представленіе объекта, соединенное съ чувствомъ его реальности и выражающееся въ соотвѣтственныхъ ему стремленіяхъ и актахъ». Но какъ бы ни опредѣлять вѣру, — въ понятіе ея непремѣнно и неизбѣжно входитъ жизнь, поступки согласные съ вѣрой. Какъ бы и во что бы ни вѣровалъ человѣкъ,—если онъ вѣритъ дѣйствительно, а не воображаетъ только, что вѣритъ, — онъ долженъ жить и поступать сообразно своей вѣрѣ, — иначе его и нельзя назвать вѣрующимъ. Если человѣкъ-христіанинъ вѣритъ въ Бога и, слѣдовательно, вѣритъ въ Его всемогущество, всевѣдѣніе, правосудіе и благость, то его вѣра должна сопровождаться съ одной стороны смиреніемъ, преданностью и покорностью волѣ Божіей и терпѣливымъ и безропотнымъ перенесеніемъ скорбей, посылаемыхъ человѣку Богомъ, — а съ другой, какъ это будетъ яснѣе показано ниже, неотдѣлима отъ христіанской надежды и любви. Истинно вѣрующій христіанинъ поэтому не смутится, а тѣмъ болѣе не придетъ въ отчаяніе, ни отъ какихъ житейскихъ превратностей, ни отъ какихъ несчастій. Такъ дѣйствительно и поступали всѣ истинные подвижники христіанской вѣры и благочестія, но не такъ поступаетъ о. Василій Ѳивейскій. Мы уже пытались доказать, что несчастія о. Василія были вовсе не безмѣрны и въ значительной степени могли быть избѣгнуты. И тѣмъ не менѣе при первомъ же несчастіи, постигшемъ о. Василія, онъ бѣжитъ въ поле, и тамъ изъ устъ его вырывается «безумно похожій на вызовъ» вопль:

«Я—вѣрю!»

35794

Нужно ли говорить, что ни одному искренно и просто вѣрующему, даже и не священнику, никогда не пришло бы въ голову такое театральное и совершенно ненужное исповѣданіе вѣры. Дѣло въ дѣйствительности здѣсь въ томъ, что вѣра о. Василія, хотя это и странно въ простомъ сельскомъ священникѣ, была до того слаба, что поколебалась при первомъ же испытаніи и, сознавая это, о. Василій хотѣлъ такимъ необычнымъ и торжественнымъ подтвержденіемъ вѣры отогнать свои сомнѣнія и, такъ сказать, загипнотизировать самого себя. «Точно кому-то возражая, кого-то страстно убѣждая и предостерегая, онъ снова повторяетъ:

«Я—вѣрю!»

Еще съ большею торжественностью и театральностью повторяетъ о. Василій эти слова при слѣдующемъ постигшемъ его испытаніи — рожденіи идіота. Еще дальше, «за много верстъ отъ жилья», убѣгаетъ въ этотъ разъ о. Василій, и уже не громкій, а «надломленный, придушенный и глухой, какъ стонъ самой великой безпріютности», прозвучалъ не то молитвенный, не то угрожающій и предостерегающій голосъ его:

«Я—вѣрю!»

Уже по этимъ двумъ случаямъ можно ожидать, что при дальнѣйшихъ толчкахъ судьбы или, лучше сказать, при дальнѣйшихъ испытаніяхъ вѣра о. Василія еще болѣе ослабѣетъ, а, можетъ быть, даже и совсѣмъ исчезнетъ. И дѣйствительно, послѣ покушенія жены о. Василія на свою жизнь, о. Василій, «огромный и страшный въ своемъ отчаяніи, поднимая къ небу сжатый кулакъ, кричитъ пронзительно и изступленно:

— И ты терпишь это! Терпишь! Такъ вотъ же»...

Дальше говорить ему не даетъ жена.

Развѣ это простая вѣра?

«— Ты въ Бога не вѣришь» — еще раньше говоритъ ему жена въ припадкѣ пьяной откровенности.

Наконецъ, пришелъ неизбѣжный моментъ, когда расте-

рявшійся при ближайшемъ знакомствѣ съ людскими страданіями и горемъ о. Василій совсѣмъ потерялъ вѣру— такъ, по крайней мѣрѣ, подумалъ онъ самъ. Но послѣдній ударъ судьбы—пожаръ дома и страшная смерть жены—произвели въ немъ новый, обратный уже переворотъ, и о. Василій возмнилъ, что потому онъ и былъ такъ несчастенъ, что былъ избранъ — избранъ на великое дѣло, пока еще ему невѣдомое, — можетъ быть, даже на чудо, и отъ чрезмѣрнаго отчаянія перешелъ къ столь же неумѣренной радости. И при отпѣваніи Семена Мосягина онъ рѣшаетъ, что наступилъ этотъ моментъ, — моментъ, когда его небесное избранничество должно быть явлено предъ всѣми, и требуетъ отъ Бога чуда. Но чуда не происходитъ. Вотъ тутъ-то въ истинномъ видѣ и обнаруживается «вѣра» о. Василія. Обманутый въ своихъ чрезмѣрныхъ ожиданіяхъ, въ безуміи и изступленіи о. Василій кричитъ:

„Такъ зачѣмъ же я вѣрилъ?“—И дерзко и безумно вызываетъ Бога.

Въ этомъ послѣднемъ дикомъ воплѣ о. Василій сказался весь, со всей своей вѣрой. У него не было настоящей вѣры. У него не было и тѣни смиренія и преданности волѣ Божіей великаго ветхозавѣтнаго страдальца Іова. Онъ хотѣлъ лишь святотатственно заключить договоръ съ Богомъ и соглашался вѣровать въ Бога лишь подъ условіемъ, что Богъ сдѣлаетъ его Своимъ избранникомъ и чудотворцемъ. Это та вѣра, которую Спаситель въ притчѣ о Сѣятелѣ уподобилъ сѣмени, упавшему на камень (Матѳ. 13, 20, 21). Странно лишь, что священникъ и въ послѣднее время такъ ревностно читавшій Евангеліе, и безъ того ему уже извѣстное, о. Василій совершенно забылъ, что Богъ не творитъ чудесъ по требованію человѣка, и нельзя требовать отъ Бога чуда, потому что такое требованіе означаетъ невѣріе и отсутствіе преданности и покорности волѣ Божіей и потому не угодно Богу, и Спаситель осудилъ и называлъ лука-

выми и грѣшными требовавшихъ отъ Него чуда (Матѳ. 12, 39; 16, 4; Лук. 11, 29). Онъ забылъ, что Богъ творитъ чудеса только тогда, когда Самъ находитъ ихъ нужными — для утвержденія истинной вѣры и для помощи страждущему человѣчеству. Онъ забылъ также, что никто изъ великихъ христіанскихъ подвижниковъ и чудотворцевъ не требовалъ отъ Бога чуда и не рекламировалъ себя чудотворцемъ, и великіе христіанскіе чудотворцы становились такими по чрезвычайной благодати Божіей, данной имъ за вѣру и святую жизнь, и тогда чудеса совершались ими, или, вѣрнѣе, черезъ нихъ, такъ же легко и свободно, какъ дыханіе и слова изъ устъ человѣка, безъ малѣйшаго напряженія, безъ всякой аффектаціи и искусственности обстановки. Да чудо и не есть самое важное и великое въ христіанствѣ. Апостолъ Павелъ пишетъ, что любовь выше даже великихъ чудесъ (1 Кор. 12, 2, 8). И проповѣдуя христіанство, апостолы старались дѣйствовать прежде всего словомъ и убѣжденіемъ, а не чудесами.

А если вѣра о. Василія была не настоящая, но слабая, искусственная и лукавая, то она и должна была, естественно и неизбѣжно, потерпѣть крушеніе. Истинная же вѣра, смиренномудрая и твердая, такъ же далекая отъ вѣры о. Василія, какъ день отъ ночи, никогда не потерпитъ крушеніе,—хотя бы всѣ силы ада ополчились на нее.

Такова была *вѣра* о. Василія. Посмотримъ теперь, какова была его *жизнь*. Истинная вѣра всегда сопровождается съ одной стороны смиреніемъ и терпѣніемъ, а съ другой неотдѣлима отъ христіанской надежды и любви. Много ли было смиренія и терпѣнія у о. Василія, — мы уже видѣли. Іовъ говорилъ: *Господь далъ, Господь и взялъ; да будетъ имя Господне благословенно!* (Іов. 1, 21); а о. Василій поднимаетъ кулаки къ небу. Даже молящимся не видимъ его въ первой половинѣ разсказа. Послѣ смерти жены, о. Василій, напротивъ, весь уходитъ въ молитву, но въ это время онъ находится уже въ состояніи изсту-

пленія, близкаго къ помѣшательству, хотя и раньше его несомнѣнно нельзя было назвать нормальнымъ и здоровымъ человѣкомъ. Въ это же время онъ налагаетъ на себя строгій постъ, чего опять-таки мы совсѣмъ не видимъ раньше въ разсказѣ.

Истинной вѣрѣ всегда сопутствуетъ и отъ нея неотдѣлима христіанская надежда. Вѣрующій твердо убѣжденъ, что онъ не будетъ оставленъ Богомъ, и—чтобы съ нимъ ни случилось, какія бы тяжкія испытанія и несчастія ни выпали на его долю, онъ все же вѣритъ, что Господь допускаетъ и попускаетъ ихъ или въ наказаніе за грѣхи, или какъ испытаніе его вѣры, или для какихъ-либо особыхъ цѣлей, правда, ему пока неизвѣстныхъ, но всегда благихъ и премудрыхъ. Поэтому какъ отъ собственныхъ страданій и несчастій онъ никогда не придетъ въ отчаяніе (совершенно несовмѣстимое съ христіанскою надеждою, а, слѣд., и вѣрою), такъ и чужія страданія, какъ бы велики и безмѣрны они ни были или, по крайней мѣрѣ, казались, найдетъ въ себѣ силы примирить съ премудростью и благостью Божіей, и никогда не вырвется изъ груди его крикъ возмущенія и озлобленія противъ Бога, какъ у о. Василія Ѳивейскаго. Нужно ли говорить, что такому человѣку, исполненному довѣрія и преданности волѣ Божіей, никогда не будетъ свойственно чувство безпріютности и безмѣрнаго одиночества, которыя такъ угнетаютъ о. Василія почти всю его жизнь. О. Василій, напротивъ, приходитъ въ полное отчаяніе, когда впервые близко знакомится съ человѣческимъ горемъ, и правда жизни кажется ему жестокой и безпощадной и заключается для него лишь въ томъ, что «ни откуда нѣтъ человѣку помощи». И не удивительно, что идя въ церковь, онъ чувствуетъ себя какъ самый ужасный злодѣй, ведомый «на позорную и страшную казнь».

А нѣтъ надежды у о. Василія не только потому, что нѣтъ у него живой, настоящей вѣры, но и потому, что нѣтъ у него и любви. Мы уже видѣли, насколько онъ

былъ эгоистиченъ. Во всемъ разсказѣ упоминается только объ одномъ добромъ дѣлѣ, сдѣланномъ о. Василіемъ, да и то мимоходомъ и притомъ уже послѣ смерти жены, когда онъ уже чувствовалъ себя избранникомъ Божіимъ,— именно объ опредѣленіи голоднаго Мосягина въ работники къ старостѣ Ивану Порфирычу. Да еще упоминается о молитвѣ, опять-таки въ этотъ послѣдній періодъ его жизни,—о женѣ и дѣтяхъ умершаго Мосягина и о немъ самомъ и о природѣ и людяхъ, жаждущихъ дождя. И у о. Василія дѣйствительно нѣтъ любви ни къ кому, даже къ женѣ и дѣтямъ. «Я никого не люблю»—говоритъ онъ дочери Настѣ. Когда въ первый разъ увидалъ онъ пьяною свою жену и почему-то «понялъ, что это навсегда», «онъ захохоталъ тихимъ безсмысленнымъ хохоткомъ и долго смѣялся, отвернувшись отъ горько плачущей жены, и фыркалъ въ руку изподтишка, какъ школьникъ». И не только идіота, но и дочь Настю онъ нисколько не любитъ, что̀ та ясно замѣчаетъ, и, когда уединяется послѣ смерти жены,—прежде всего торопится отослать отъ себя Настю, «боясь, что укрѣпится въ сердцѣ его родительская любовь и многое отниметъ у людей», хотя и за это время о. Василій ничего не далъ имъ. Правда, онъ оставляетъ у себя идіота, но только потому, чтобы жизнью съ нимъ усугубить свой подвигъ, и не стѣсняется мучить его, все же ребенка, голодомъ.—Упоминается въ разсказѣ и о «злыхъ мысляхъ» о. Василія и о «зломъ и неправдивомъ» выраженіи его лица, и о зависти о. Василія, и о томъ, что «иногда по цѣлымъ днямъ онъ не могъ думать ни о чемъ другомъ, кромѣ старосты, его жены, его дѣтей и богатства». Что нравственный обликъ о. Василія не внушалъ уваженія окружавшимъ, видно и изъ того, что когда дьяконъ, убѣждая старосту оказывать уваженіе къ о. Василію, сравниваетъ его съ многострадальнымъ Іовомъ,— староста безъ стѣсненія обрываетъ дьякона:

— «Нечего разсказывать, и сами знаемъ. Такъ—то Іовъ, праведникъ, святой человѣкъ, а это кто? какая у него

праведность? Ты, дьяконъ, лучше другое вспомни: Богъ шельму мѣтитъ. Тоже не безъ ума пословица складена».

Поэтому и случилось то, что когда о. Василій случайно обратилъ, на исповѣди, вниманіе на чужое горе, онъ прежде всего отнесся къ нему съ холоднымъ и суровымъ любопытствомъ. Ему хотѣлось только вывѣдать глубину человѣческаго горя. Онъ «жадно искалъ новыхъ лицъ и новыхъ рѣчей... Каждаго изъ исповѣдниковъ онъ держалъ на исповѣди по цѣлымъ часамъ и допрашивалъ пытливо, настойчиво, забираясь въ самые заповѣдные уголки души, куда самъ человѣкъ заглядываетъ рѣдко и со страхомъ. Онъ не зналъ, чего ищетъ и безжалостно переворачивалъ все, на чемъ держится и чѣмъ живетъ душа. Въ вопросахъ своихъ онъ былъ безжалостенъ и безстыденъ, и страха не знала его родившаяся мысль». Но когда онъ позналъ силу и глубину чужихъ страданій, то былъ до того оглушенъ и подавленъ ими, что совершенно потерялся. Доселѣ онъ думалъ лишь о себѣ одномъ,—думалъ, вѣроятно, что онъ несчастнѣе всѣхъ въ мірѣ, и не интересовался чужимъ горемъ; но когда обратилъ, наконецъ, вниманіе на чужія страданія, то при слабыхъ его вѣрѣ, надеждѣ и любви, ему показалось, что весь міръ принесъ ему свои страданія и весь міръ ждетъ отъ него помощи. И у него не нашлось слова утѣшенія и вѣры для этихъ людей, и правда жизни показалась ему во тьмѣ невѣрія и отчаянія, и даже не пытаясь помочь (а онъ могъ помочь) онъ постыдно изнемогъ и сталъ отрекаться отъ Бога. И это въ маленькомъ, захолустномъ сельскомъ приходѣ! Что же было бы съ о. Василіемъ, если бы онъ былъ священникомъ въ большомъ городѣ, гдѣ страсти и страданія интенсивнѣе, и жизнь несравненно сложнѣе и злѣе, и житейскія коллизіи бываютъ нерѣдко прямо ужасны. Сначала съ холоднымъ и суровымъ любопытствомъ, потомъ съ гнѣвомъ и отчаяніемъ и невыносимымъ страданіемъ, копается онъ въ чужихъ страданіяхъ, желая измѣрить глубину ихъ, въ остальное же время уединяется ото всѣхъ.

Люди ждали отъ него участія, сочувствія и ласки, сердечной теплоты, облегченія страданій, чтобы онъ пригрѣлъ ихъ, какъ пригрѣлъ въ саду цыпленка, и никто не получилъ этого отъ него.

Не такъ вѣровали и терпѣли истинные подвижники вѣры и благочестія. Былъ у насъ на Руси, между множествомъ другихъ, человѣкъ, о которомъ дѣйствительно можно сказать, что онъ «несъ тяжкое бремя печали, болѣзней и горя» и притомъ не съ юности только, но даже съ самыхъ пеленокъ. Это былъ святитель Тихонъ Задонскій. Еще маленькимъ ребенкомъ остался онъ послѣ смерти отца, бѣднѣйшаго сельскаго дьячка Валдайскаго уѣзда Новгородской губерніи, съ братьями и сестрами, — на рукахъ запявшаго мѣсто отца старшаго брата, такого же бѣднѣйшаго дьячка. Бѣдность въ семьѣ доходила до того, что у дѣтей не только не было обуви, но нерѣдко не бывало и хлѣба, и тогда малолѣтній Тимоѳей (такъ звали въ міру святителя Тихона), изъ-за хлѣба, цѣлый день работалъ у какого-нибудь крестьянина. Мать Тимоѳея, не стерпѣвъ такой бѣдности, задумала было отдать его къ ямщику и однажды, въ отсутствіе старшаго сына, уже повела было Тимоѳея туда, но сынъ, вернувшись домой и узнавъ обо всемъ, догналъ мать и, ставъ передъ нею на колѣна, умолялъ ее не дѣлать этого, обѣщая выучить брата, хотя бы для этого ему самому пришлось идти съ сумою по міру. Поступивъ въ новгородское духовное училище, Тимоѳей нанимался у огородниковъ копать гряды и на вырученныя деньги покупалъ себѣ хлѣбъ и копеечную свѣчу, съ которою по вечерамъ и по ночамъ за печкой (лучшаго угла имѣть онъ былъ не въ состояніи) училъ уроки. А богатые товарищи насмѣхались надъ нимъ и, навязавъ на веревочку лапоть, махали имъ передъ нимъ, какъ кадиломъ, припѣвая: «величаемъ тя!» Когда Тихонъ сдѣлался викарнымъ епископомъ въ той же Новгородской епархіи, къ нему пришла его сестра, проживавшая въ Новгородѣ. Бѣдная женщина жила въ такой ужасной нуждѣ и отъ

лишеній и горя сдѣлалась такою забитою, что никакъ не могла осмѣлиться войти въ комнаты святителя «Не чаяли мы никакъ и до такого-то счастья дожить—говорила она—чтобы хоть дьячкомъ-то тебя увидать». Святитель покоилъ сестру, но не долго прожила она и черезъ мѣсяцъ скончалась. Отпѣвалъ ее самъ святитель. Итакъ, ярко вспомнилась ему вся скорбная жизнь этой несчастной женщины, вся та бездна нищеты, лишеній, униженій, болѣзней и горя, которую пришлось ей вынести, что «отъ великой жалости» святитель Тихонъ проплакалъ всю службу. И тѣмъ не менѣе онъ не требовалъ отъ Бога чуда воскресенія своей сестры изъ мертвыхъ и не только не возропталъ на Бога, равно какъ никогда не ропталъ и послѣ, но, напротивъ, вся жизнь его была восторженной благоговѣйной жертвой Богу. Такъ поступали, вѣровали и терпѣли всѣ истинные подвижники вѣры и благочестія.

Такіе люди и не уединялись отъ людей и ихъ страданій (уединялись они только отъ мірской суеты и людскаго нечестія и грѣха) и не терялись при видѣ чужихъ страданій. Живая, всепроникающая, чуждая всякихъ искусственныхъ возбужденій, вѣра и искренняя любовь къ Богу и людямъ создавали въ нихъ такую высокую настроенность и такой свѣтлый взглядъ на жизнь, что никакое зло не могло смутить ихъ. И не казалась имъ ужасною и жестокою правда жизни и не говорили они, что нѣтъ ни откуда человѣку помощи. Кто больше преподобнаго Серафима видѣлъ людскихъ слезъ и горя, кто больше него слышалъ людскихъ вздоховъ и жалобъ. И однако онъ всегда былъ свѣтелъ и умѣлъ утѣшать приходившихъ къ нему. Такъ же свѣтелъ всегда и о. Іоаннъ Кронштадтскій. И не терялся онъ при видѣ чужихъ слезъ и страданій, и не говорилъ, что нѣтъ ни откуда человѣку помощи, и не чувствовалъ себя преступникомъ и злодѣемъ. Такъ же поступали и святитель Тихонъ Задонскій и великіе оптинскіе старцы Амвросій и Макарій и многіе другіе, такъ же поступалъ и старецъ Зосима, какъ говорятъ, списанный Достоевскимъ съ

одного извѣстнаго кіевскаго подвижника. А были они такими отъ того, что такъ жива и тверда была ихъ вѣра, и такою пламенною любовью возлюбили они Бога и своихъ ближнихъ, что сумѣли раздавить въ себѣ человѣческій эгоизмъ во всѣхъ его проявленіяхъ, и чрезъ призму вѣры, смиренія и любви имъ открылась блистающая небесными лучами истинная правда жизни—не въ видѣ безнадежности и отчаянія, какъ несчастному Василію Ѳивейскому, а въ видѣ всепримиряющей премудрости, благости и любви Божіей.

Но даже и помимо столь высокихъ образцовъ вѣры и благочестія, о. Василій не выдерживаетъ сравненія даже съ литературными типами—типами представителей, и не однихъ только лучшихъ, даже инославнаго духовенства. Въ этомъ отношеніи особенно интересенъ и до нѣкоторой степени близокъ къ о. Василію одинъ такой типъ.

На берегу одного изъ фіордовъ Сѣверной Норвегіи, среди дикой и суровой, грозящей постоянными обвалами и наводненіями полярной природы, живетъ пасторъ Адольфъ Зангъ, человѣкъ полный вѣры, самоотверженія и любви, христіанинъ и идеалистъ въ полномъ смыслѣ этого слова, всего себя отдавшій на служеніе ближнимъ. Отъ него вѣетъ чѣмъ-то неземнымъ. Всегда онъ свѣтелъ и «сіяетъ праздничною радостью. Круглый годъ для него воскресенье». Сердце его такъ чисто, что ни въ одномъ человѣкѣ онъ не хочетъ видѣть дурного. По первому зову больного, онъ въ утломъ челнокѣ, въ бурю, ѣдетъ черезъ море или отправляется въ горы въ самую ужасную метель. Прежде богатый человѣкъ, онъ, вслѣдствіе своего безкорыстія и милосердія, становится почти нищимъ. Имя его пользуется громкою славою, и нѣтъ человѣка въ странѣ, который бы его не зналъ, такъ какъ Зангъ—великій чудотворецъ. О комъ бы онъ ни помолился съ вѣрою,—лишь бы только самъ больной былъ вѣрующій и могъ молиться вмѣстѣ съ нимъ,—тотъ выздоравливаетъ. Онъ совершаетъ чудеса даже заочно и исцѣляетъ даже

такихъ больныхъ, которые кажутся уже умершими. Но творя такія великія чудеса, онъ не можетъ однако исцѣлить собственной своей жены Клары, которая страшнымъ недугомъ уже нѣсколько лѣтъ прикована къ постели и уже цѣлыхъ полтора мѣсяца не можетъ заснуть. И это потому, что у Клары почти нѣтъ вѣры, хотя ихъ супружеская жизнь идеальна и безупречна. Ей только становится гораздо легче, и исчезаютъ ея мучительные и ужасные припадки, когда Зангъ входитъ въ ея комнату. Видя, что вѣры и молитвы его одного недостаточно для исцѣленія жены, Зангъ вызываетъ дѣтей, которые воспитывались далеко, чтобы соединенною вѣрою и молитвою поднять жену почти съ смертнаго одра. Но оказывается, что и дѣти Занга уже потеряли вѣру. Зангъ однако не смущается этимъ и объявляетъ женѣ и дѣтямъ, что чувствуетъ въ себѣ особенное присутствіе благодатной силы и уходитъ въ церковь молиться за жену и предъ молитвой самъ будетъ благовѣстить въ колоколъ. «И я не выйду изъ церкви—говоритъ онъ дѣтямъ—пока не пріиму изъ рукъ Творца сонъ для вашей матери, а послѣ сна исцѣленіе». Зангъ уходитъ, и вскорѣ раздается благовѣстъ. И при первомъ ударѣ колокола Клара мгновенно засыпаетъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ. Вдругъ разражается ужасная буря; отъ страшныхъ ударовъ грома дрожитъ домъ Занга, и гора внезапно валится прямо на церковь. Но буря утихаетъ, и слышится по прежнему звонъ колокола: у самой церкви обвалъ свертываетъ въ сторону, и церковь остается невредимою, а Клара продолжаетъ спать. Въ самомъ началѣ службы исцѣляется тяжко больной, котораго принесли къ церкви.

Уже цѣлые сутки молится и поетъ въ церкви Зангъ. Клара продолжаетъ спать. Массы народа собрались около церкви и молятся вмѣстѣ съ Зангомъ, хотя онъ этого и не видитъ; пріѣзжаетъ даже епископъ съ нѣсколькими пасторами, чтобы видѣть чудо; появляются ранѣе исцѣленные Зангомъ и выражаютъ увѣренность, что чудо со-

вершится. Къ дѣтямъ Занга почти готова вернуться вѣра, но имъ чего-то неизъяснимо страшно. Вдругъ изъ своей комнаты, вся въ бѣломъ, показывается Клара, устремивъ взоръ и протягивая руки къ церкви, изъ которой слышится пѣніе Занга. Въ эту же минуту на встрѣчу женѣ, весь освѣщенный солнечнымъ свѣтомъ, съ пѣніемъ «аллилуія», повторяемымъ могучимъ пѣніемъ ликующей многотысячной толпы, входитъ въ комнату Зангъ и обнимаетъ жену. Всѣ присутствующіе опускаются на колѣна. «О, какъ ты сіялъ... когда вошелъ сюда... о возлюбленный!»— говоритъ Клара, и вдругъ... голова ея поникаетъ, руки падаютъ, и все тѣло опускается... Пораженный и растерянный Зангъ кладетъ ей руку на сердце и говоритъ съ изумленіемъ, какъ ребенокъ: «Но вѣдь это не то?»—Потомъ внимательно смотритъ ей въ лицо, повторяя: «Но это вѣдь не то?.. Или же?.. Или же?..» схватывается за сердце и падаетъ мертвымъ.

Это—содержаніе первой части драмы Бьернсона «Свыше нашей силы». Невольно бросается въ глаза странное сходство ея съ разбираемымъ нами разсказомъ г. Андреева. Трудно рѣшить, имѣла ли эта драма вліяніе на разсказъ г. Андреева, но нельзя не видѣть, оставаясь, конечно, на точкѣ зрѣнія драмы, очевиднаго превосходства Занга надъ о. Ѳивейскимъ. Такой человѣкъ, какъ Зангъ, не испугался бы несчастій, которыя выпали на долю о. Василія, не растерялся бы и при видѣ чужихъ страданій и несомнѣнно имѣлъ гораздо большее нравственное основаніе *просить* Бога о чудѣ, которое притомъ же и не было такимъ великимъ, какого *требовалъ* у Бога о. Василій. Кстати замѣтимъ,—повторяемъ, что мы судимъ съ точки зрѣнія драмы,—что у Бьернсона и на самомъ дѣлѣ совершается чудо: безболѣзненная, мирная одновременная кончина обоихъ супруговъ Зангъ.

Въ иностранной литературѣ и вообще можно найти весьма не мало типовъ сильныхъ духомъ и доблестныхъ духовныхъ лицъ, у которыхъ многому могъ бы поучиться

о. Василій Ѳивейскій и въ сравненіи съ которыми онъ кажется ничтожнымъ и жалкимъ. Не говоря уже о такихъ писателяхъ, какъ, напр., Рене Базенъ, — даже у Бурже, Ренана, Мопасана и Золя мы находимъ типы духовныхъ лицъ или прямо высокой мудрости и доблести или, по крайней мѣрѣ, сильной и непреклонной воли и людей идеи, хотя бы и фанатиковъ, какъ, напр., патеръ Тобьякъ въ «Жизни» Мопасана, аббатъ Фожа въ «Завоеваніи Плассана» Золя или въ нѣкоторыхъ разсказахъ Ренана. И въ этомъ отношеніи трудно забыть титаническій образъ пастора Карльтона въ романѣ Хорнунга «Peccavi» («Согрѣшихъ») и до нѣкоторой степени подобный ему типъ пастора Герланда въ романѣ Поленца «Деревенскій священникъ».

Итакъ, о чемъ же говоритъ намъ разсказъ г. Андреева? Дѣйствительно ли вѣра не можетъ помочь намъ, и «нѣтъ спасенія человѣку ни откуда?» Нѣтъ. Что такая вѣра, какую имѣлъ о. Василій Ѳивейскій, оказывается безсильной, что дерзкое требованіе имъ чуда у Бога осталось безъ отвѣта—это и не могло быть иначе. Но что истинная и живая вѣра не такова и что истинно вѣрующій христіанинъ никогда не будетъ требовать у Бога чуда—это мы уже видѣли.

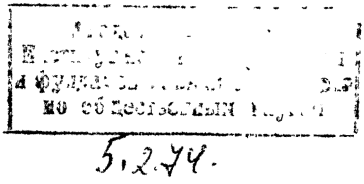
Скажемъ теперь вкратцѣ, въ чемъ жизненная трагедія супруговъ Ѳивейскихъ и отчего они погибли? Они погибли оттого, что были слишкомъ мало жизнеспособны и одиноки, а одиноки они были оттого, что были слишкомъ эгоисты. При первомъ же ударѣ судьбы они опустили руки и углубились въ безконечное любованіе своимъ горемъ, какъ будто кромѣ нихъ не было на свѣтѣ ни людей ни горя. А когда какъ-то случайно пришлось о. Василію познакомиться съ чужимъ горемъ, то онъ, не умѣвшій сладить и съ своимъ собственнымъ, и совсѣмъ потерялся и впалъ въ отчаяніе и озлобленіе. А потомъ, подъ вліяніемъ послѣдней бѣды, впалъ въ другую крайность и дерзко сталъ требовать у Бога чуда и, не по-

лучивъ требуемаго, сталъ богохульствовать и погибъ,— погибъ не мирною смертью преданнаго Богу Занга, а ужасною смертью богохульника. О. Василій, въ сущности погибъ отъ того же эгоистическаго одиночества, отъ котораго погибъ и Керженцевъ. Искусственно уединивъ себя отъ людей, ихъ радостей, страданій и упованій, Керженцевъ мнилъ свою мысль царицей вселенной. Но когда эта царица-мысль постыдно измѣнила ему и насмѣялась надъ нимъ, онъ, какъ и о. Василій Ѳивейскій, потерялъ почву подъ ногами. Въ это время изъ-за плотной завѣсы, которою онъ отгородилъ себя отъ міра, предъ нимъ на минуту мелькнула мысль о Богѣ, Его правдѣ и любви, мелькнули теплыя впечатлѣнія этого міра, вызывавшія на жалость, любовь и снисхожденіе, и онъ думалъ было ухватиться за эти впечатлѣнія; но такъ какъ душою и сердцемъ онъ былъ уже мертвъ, то и спасенія ему быть уже не могло. Въ жизни эгоизмъ, разумѣется, далеко не всегда ведетъ къ гибели (физической, конечно—къ нравственной онъ ведетъ безусловно), но бываютъ обстоятельства, при которыхъ и въ жизни онъ становится гибельнымъ.

И нисколько не отрицая вообще талантливости разсказа, мы должны однако же сказать, что типъ о. Василія Ѳивейскаго есть типъ уродливый и до крайности неправдоподобный. Такіе типы среди духовенства и въ особенности сельскаго, могутъ встрѣтиться развѣ только лишь какъ рѣдкое исключеніе, какъ бываютъ люди съ двумя сердцами или двумя желудками,—но и только.

Намъ остается лишь сказать, дѣйствительно ли сочиненія Леонида Андреева и въ особенности разбираемый разсказъ есть крикъ невѣрующаго отчаянія и безнадежнаго пессимизма, какъ утверждаютъ нѣкоторые изъ его критиковъ. Дѣйствительно ли этотъ писатель избѣгаетъ солнца и радости и предпочитаетъ темноту, бурю и вьюгу; дѣйствительно ли онъ старается показать крайнее ничтожество и безсиліе человѣка со всѣми самыми лучшими его стремленіями и идеалами и хочетъ провозгласить смерт-

ный приговоръ жизни и вѣрѣ (недаромъ героемъ разсказа взятъ священникъ и притомъ самый простой смиренный сельскій священникъ). Не принимая на себя разрѣшенія этихъ вопросовъ, мы думаемъ однако, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочиненій г. Андреева замѣтны исканіе Бога и жажда вѣры и надежда на лучшее будущее. Пожелаемъ же ему развивать свой талантъ именно въ этомъ благомъ направленіи.

5.2.74.